

сказалось стремление къ реализму, желаніе быть понятнымъ современникамъ, которые хорошо были знакомы съ идеалами и требованіями монашескаго круга. Однако это не предрѣшало вопроса объ иконописномъ подлинникѣ; такое новшество было частнымъ дѣломъ живописцевъ, которое не могло бы попасть въ исторію христіанской иконографіи въ качествѣ правила.

Н. Протасовъ.

III.

„Германская идея“ и „Русскія думы“.

(Изъ отголосковъ войны).

Среди статей нашихъ журналовъ, представляющихъ собой отголоски великой войны нашихъ дней, нѣкоторыя невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе и наводятъ на серьезные размышленія и любопытныя сопоставленія.

Къ статьямъ такого рода относятся, напримѣръ, помѣщенные въ декабрьской книжкѣ *Русской мысли* 1912 г. статьи г. А. Коральника и С. Н. Булгакова.

Въ статьѣ „Германская идея“ г. А. Коральникъ беретъ на себя задачу выясненія сущности этой идеи.

„Мы боремся,—говоритъ онъ,—противъ нѣмецкой, германской силы. Въ чемъ же она заключается, въ чемъ ея смыслъ, ея идея? Правы ли мы отрицая ее, или, можетъ быть, мы хотимъ погубить силу хорошую, цѣлебную, спасительную?“

Ссылаясь на Гегеля, „этого пророка Германіи и германизма, провозвѣстника величія и историческаго назначенія нѣмецкаго народа“, г. Коральникъ приводитъ слѣдующее его мнѣніе: „спекулятивное, метафизическое назначеніе Германіи—внутренній распадъ, отпаденіе отъ самой себя“.

Исторія Германіи послѣднихъ лѣтъ, повидимому, подтверждаетъ это мнѣніе.

Признавая, что все мы склонны идеализировать старую Германію временъ Шиллера и Гете, Германію мелкихъ княжествъ, раздробленную политически и хозяйственно, но мощную духомъ, г. Коральникъ замѣчаетъ: „мнѣ кажется, что въ этой идеализаціи—большая доля правды. Германія того времени была страна самодовлѣющей идеи, борьбы за идеаль, за справедливость“.

Германія того времени съ тоской и нетерпѣніемъ ждала своего „дня“.

Еще Шиллеръ когда-то объ этомъ говорилъ:

„Всякая нація имѣла уже свой день, день же Германіи будетъ жатвой всего человѣчества“.

Теперь, повидимому, Германія полагаетъ, что этотъ „день“ насталъ. Но „день“ этотъ нисколько не походитъ на тотъ, о которомъ мечталъ Шиллеръ. Современная Германія нисколько не думаетъ о томъ, чтобы дать „жатву“ всему человѣчеству. Напротивъ, она смотритъ на все человѣчество, какъ на „жатву“ для себя, и притомъ въ самомъ грубомъ, матеріальномъ значеніи этого слова.

Но, прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ нынѣшняго „дня“ Германіи, г. Коральникъ обращается къ ея исторіи и дѣлаетъ краткое сравненіе ея съ исторіей Россіи.

„Въ чемъ,—спрашиваетъ онъ,—глубокая разница германской и русской исторіи во время начала развитія государственности обѣихъ расъ? Германія завоевывала, Россія колонизовала. Россія прорубала себѣ дорогу сквозь непроходимые лѣса топоромъ, Германія сложилась благодаря мечу. Въ началѣ Германіи бѣ сила. Тевтонскій орденъ основалъ Пруссію огнемъ и мечемъ, военною силой и военною организаціей. Пруссія выросла не органически, а выращена искусственно, путемъ подавленія національныхъ особей и особенностей, желѣзною дисциплиной, замѣной всѣхъ человѣческихъ цѣнностей одною—властью. И мало-по-малу Пруссія поглотила Германію, ассимилировала ее. „Имперія есть не что иное, какъ продолженіе Пруссіи“, сказалъ старый императоръ Вильгельмъ Бисмарку. И онъ правильно предвидѣлъ событія. Имперія сдѣлалась продолженіемъ, конечностью, щупальцемъ Пруссіи. Въ послѣднемъ счетѣ воля имперіи не можетъ быть отличною отъ воли Пруссіи“.

Но, по мнѣнію противниковъ политики создателя объединенной Германіи, Бисмарка, чтобы строить новую Германію, не нужно было разгромя Франціи. Эльзась и Лотарингія ни въ какомъ смыслѣ не дали Германіи какихъ-либо выгодъ, политическихъ или хозяйственныхъ. Захватъ этихъ французскихъ провинцій имѣлъ своимъ послѣдствіемъ лишь тяжелую необходимость для Германіи стоять постоянно подъ оружіемъ. Молѣтке сознался въ этомъ въ рейхстагѣ

послѣ войны. „Плоды нашихъ побѣдъ,—говорилъ старый фельдмаршалъ,—это необходимость быть въ теченіе пятидесяти лѣтъ готовыми къ войнѣ“. Исторія сократила этотъ срокъ на семь лѣтъ. Всякій дальновидный политикъ тогда долженъ былъ ясно понимать, что побѣда надъ Франціей—Пиррова побѣда, что союзъ между Франціей, Англіей и Россіей рано или поздно неминуемъ, союзъ оборонительный, могущій перейти въ наступательный, что время гегемоніи одной какой-либо страны въ Европѣ, самой идеи этой гегемоніи безвозвратно прошло, что Германія сама подкапывается подъ собственный принципъ бытія, благодаря которому она выросла, принципъ свободной національности. Но Бисмаркомъ руководила идея Пруссіи, т. е. идея гегемоніи надъ Германіей, надъ Европой, надъ міромъ вообще. Уже тогда, въ восьмидесятые годы, пангерманизмъ набросалъ въ общихъ чертахъ программу гегемоніи Германіи.

Основною идеей Бисмарковской политики было неуваженіе къ индивидуальности народовъ и къ нравственнымъ обязательствамъ въ международной жизни. Типичнѣйшій теоретикъ бисмаркіанства Трейчке выразилъ сожалѣніе о томъ, что международное право разрабатывается главнымъ образомъ въ Бельгіи и Голландіи, нейтральныхъ и беззащитныхъ странахъ, живущихъ только благодаря интернаціональнымъ договорамъ. Они, т. е. бельгійскіе и голландскіе теоретики, ставятъ побѣдителямъ во имя гуманности требованія, которыя противорѣчатъ мощи государства, неестественны и неразумны. Между тѣмъ сила должна первенствовать надъ правомъ...

То, что поколѣніе Бисмарка начало, поколѣніе Вильгельма II продолжало и довело до извѣстной кульминаціонной точки. То, что въ эпоху чистаго бисмаркіанства было въ зародышѣ, въ настоящее время приобрѣло форму и традицію, сдѣлалось освященнымъ, общепринятымъ неоспоримымъ идеаломъ.

Новѣйшій германскій историкъ Лампрехтъ противопоставляетъ бисмарковскую, натуралистическую „Machtpolitik“ („политику власти“) идеалистической „Weltpolitik“ („мировой политикѣ“) Вильгельма.

Въ чемъ же основная идея, въ чемъ смыслъ этой „Weltpolitik“, этой „мировой политики“, или заморской, колониальной политики Вильгельма и его эпохи?

„Мы хотимъ, чтобы впредь безъ нашего голоса не было принято ни одного рѣшенія въ міровой политикѣ“, такъ объяснилъ самъ Вильгельмъ въ одной изъ своихъ рѣчей программу своей „Weltpolitik“. И этимъ онъ обосновалъ свою морскую политику. „Трезубецъ долженъ быть въ нашихъ рукахъ“. Не потому, что онъ необходимъ германскому народу, но исключительно потому, что этого требуетъ германскій имперіализмъ, воля къ власти. Крылатая слова, въ родѣ „бронированнаго кулака“ не сходили и не сходятъ съ устъ императора. Даже такой умѣренный, не сантиментальный, далеко не агрессивнo настроенный дипломатъ, какъ Бюловъ, защищалъ императорскую политику въ своей рѣчи въ рейхстагѣ въ 1899 г. слѣдующими доводами: „Времена политическаго безсилія и униженія не должны вернуться болѣе. Нѣмецкій народъ можетъ отнынѣ стать—*молотомъ или наковальней*“. Когда ставится передъ народомъ дилемма: молотъ или наковальня, то ясно, что онъ предпочитаетъ положеніе молота. И началась бѣшеная „Weltpolitik“, вмѣшательство во всѣ дѣла міра, ненужное расширеніе колоніальныхъ владѣній, загражденіе дороги другимъ, даже не конкурирующимъ державамъ. Французская политика въ Марокко, напр., ничуть не мѣшала Германіи, не затрагивала ея политическихъ или торговыхъ интересовъ. Но Вильгельмъ II сейчасъ же заговорилъ о недопустимости „тунификаціи Танжера“, всунулъ свой „бронированный кулакъ“ въ колесо европейской политики и довелъ Европу до прелюдіи войны; можно смѣло сказать, что Марокко открыло Европѣ глаза на истинную цѣль германской политики, на ея стремленіе къ гегемоніи и разрушенію съ трудомъ налаженныхъ европейскихъ соотношеній.

Здѣсь, по мнѣнію г. Коральника, ключъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ событіямъ. Агрессивная по своему существу Германія облачается въ шкуру невиннаго агнца, на котораго „нападаютъ“. И въ этой подтасовкѣ фактовъ она находитъ оправданіе проявленію инстинктовъ „злого животнаго“.

Германіи, во что бы то ни стало, нужны колоніи. И не только Германіи, но и Австро-Венгріи, „экспоненту“ Германіи. Австрія, впрочемъ, имѣетъ „естественныя“ колоніи—Балканы; надо ей только дать возможность завладѣть ими. А Германія? Вѣдь „міръ“ уже занятъ? Вѣдь Германія въ ка-

чествъ крупной державы слишкомъ поздно явилась на пирь. Значить, нужно въ ея пользу перекроить мировую карту, такъ какъ ей, во что бы то ни стало, нужно политическое и экономическое первенство, гегемонія.

И вотъ проповѣдники всегерманства, „германской идеи“,—въ родѣ Пауля Рорбаха,—призываютъ нѣмецкій народъ къ созданію этой „мировой политики“, къ распространенію „нѣмецкой идеи“ по всему лицу земли...

А честные и искренніе нѣмецкіе люди, которые все еще иногда встрѣчаются, съ сокрушеніемъ видятъ внутренній кризисъ нѣмецкаго духа, то его „отпаденіе отъ себя“, которое предвидѣлъ Гегель.

„Въ дни политической раздробленности,—писалъ, напр. извѣстный нѣмецкій критикъ Куртъ Мартенсъ,—мы, правда, мало чѣмъ могли похвастаться въ политическомъ и экономическомъ смыслѣ, но тогда хвастовство не было въ характерѣ нѣмца. Тогда Германія имѣла свою, врожденную культуру, свой стиль. Нынѣ же Германія—арсеналь, биржа, сумасшедшій домъ, огромная гостиница“.

Культуру нынѣшней Германіи, по справедливому замѣчанію г. Коральника, приходится признать духовно съезжившеюся, обѣднѣвшею, несмотря на десятки тысячъ ежегодно печатающихся книгъ, несмотря на машины, народное хозяйство и гордую науку.

Идеи животворной нѣтъ въ Германіи, оттого и скудость ея культуры. Что дала Германія человѣчеству за послѣднее время? Каковы ея новые вклады въ сокровищницу человѣчества? Гдѣ ея литературные, культурные, идейные творцы? Вся ихъ современная литература, все ихъ искусство настоящаго времени—лишь повтореніе старыхъ и чужихъ мотивовъ. Всѣ лозунги они взяли отъ другихъ—отъ французовъ, бельгійцевъ, скандинавцевъ,—наконецъ, отъ русскихъ. Импрессионизмъ, натурализмъ, мистика, богоискательство—все это флоберовскіе, метерлинковскіе, ибсеновскіе, толстовскіе мотивы. Ихъ душа лишена собственнаго тона. Его заглушилъ голосъ извнѣ, страсть къ наживѣ, къ власти, къ силѣ ради силы. Культуру задушилъ имперіализмъ и джингонизмъ прускаго типа. Изъ всѣхъ мотивовъ своего Ницше германскій народъ усвоилъ себѣ главнымъ образомъ лишь одинъ: „Wille zur Macht“ („воля къ власти“).

Г. Коральникъ приходитъ къ выводу: „необходимо—сдвинуть ту германскую силу, которая грозой надвигалась на Европу“.

Европа не можетъ больше выносить ни нѣмецкой грубой спеси, ни германской агрессивности, ни ея угрожающей силы. А главное, ея возведенія этой силы въ идею бытія, ея санкціонированія идеализаціи.

Въ той же книжкѣ журнала обращаетъ на себя вниманіе очень интересная и очень своеобразная статья С. Н. Булгакова „Русскія думы“.

Указавъ на то, что въ лицѣ Германіи Европа имѣетъ дѣло не съ внѣшнимъ и чуждымъ завоевателемъ, какимъ былъ Аттила или Чингизъ-хань, а что „германскій вампиръ порожденъ отравленною атмосферой самой Европы, есть ея собственная болѣзнь и кара“, г. Булгаковъ замѣчаетъ, что мы присутствуемъ при внутренней европейской трагедіи, въ которой дѣйствуютъ духовныя силы новой Европы, и что войной этой подводится нѣкоторый всемірно-историческій итогъ, совершается судъ надъ цѣлою историческою эпохой, которая въ руководствахъ по всеобщей исторіи зовется *новою исторіей* или *новымъ временемъ*, причемъ судъ этотъ осуществляется ея собственными энергіями, ею же созданными и въ ней заложенными.

Переходя къ участию въ войнѣ нашего отечества и къ вопросу о его историческихъ судьбахъ и задачахъ, г. Булгаковъ говоритъ:

„Опять, съ новою болью и новою силой, становится передъ нами загадка нашего бытія; что же такое Россія? Есть ли она плохая, отсталая Европа, успѣвшая состарѣться, не познавъ юности, или же она, входя въ Европу, будучи неразрывно съ ней связана, въ то же время не есть Европа, и историческимъ подвигомъ своимъ призвана духовно возродить и себя, и старѣющую Европу? Никогда еще со временъ московскихъ, когда Русь впервые ощутила себя наслѣдницей погибшей Византіи, не ставился съ такою остротой и силой этотъ вопросъ, какъ нынѣ, когда ввергнутъ въ хаосъ европейскій міръ. Никогда еще за свою исторію Россія до такой степени не сближалась съ Европой: столь тѣсно, такъ

органически не входила въ ея семью, и одновременно такъ не противопоставлялась ей въ своемъ самосознаніи“.

Родина идетъ, по выраженію г. Булгакова, „на бранный пиръ, вѣчная высокая избраніемъ, какъ защитница правды и свободы. Она защищаетъ Европу отъ Европы, въ союзъ съ ея народами она спасаетъ ее отъ новоевропейской и, въ частности, германской опасности, она подьмлетъ знамя свободы народовъ, но во имя чего же? Доселѣ Россія усиленно европеизировалась и въ хорошемъ и въ плохомъ смыслѣ; однако,—она всетаки духовно не усвоила еще того новоевропейскаго облика, преимущественнымъ носителемъ котораго нынѣ является германство“. Самоопредѣленіе Россіи,—говоритъ г. Булгаковъ,—„будетъ безмѣрно по своимъ историческимъ послѣдствіямъ, ибо отъ него зависитъ, превратится ли грядущая эпоха исторіи въ торжественный ея эпилогъ или же духовный развалъ. Россія не участвовала активно въ грѣхъ новоевропеизма, она только заражалась имъ. Не она, обольщенная чарами князя міра сего, утверждала культъ челоуѣкобога-челоуѣкозвѣря, какъ индивидуальную, социальную и политическую норму. Не она совершала протестантскій подмѣнъ христіанства низведеніемъ его до практической, мірской морали. Она можетъ отвергнуть эти духовныя начала новой исторіи и пойти своимъ особымъ путемъ. Она можетъ отречься отъ вавилонской башни и восхотѣть Града Божія. Она можетъ подыять подвигъ земного строительства не во имя свое, но во имя Христа Грядущаго. Она можетъ возгорѣться святою ревностью о дѣлѣ Божіемъ, которая поможетъ и Европѣ превратить кирпичи разрушающейся вавилонской башни въ камни Града Божія. Она можетъ принять изъ европейской культуры лишь то, что въ ней бессмертно и достойно спасенія“.

Говоря дальше объ историческомъ творествѣ, г. Булгаковъ замѣчаетъ:

„Одно несомнѣнно, что историческое творчество родится изъ сердца народнаго, сердце же Россіи—въ Православіи, а потому и русское творчество, какъ это хорошо вѣдомо было Достоевскому, есть раскрытіе и осуществленіе потенцій русскаго Православія“.

Нѣсколькими строками ниже читаемъ:

„Чѣмъ дальше отклонялась русская жизнь въ сторону